

Алибек

Аскаров

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

– Где ты взял это старое фото? – спросил меня Байгали, рывшийся в моих фотографиях.

«О чем это наш ага¹?», – я приблизился к нему и заглянул через плечо. – А, это, что ли? Это же прошлогодний снимок... Я сделал его прошлым летом в Кёркарагае, когда ездил в аул.

– В Кёркарагае, говоришь?

– Да, в Кёркарагае...

– В прошлом году, говоришь?

– Да, в прошлом году.

Байгали повернулся ко мне всем корпусом, выпучив глаза, да так и замер на несколько мгновений, словно хотел сказать: «Что ты такое несешь?» Этот странный взгляд уважаемого ага, от которого обычно веяло дружелюбием, сбил меня с толку.

– Да-да! – подтвердил я, уткнувшись в фотографию, словно ища у нее защиты.

– Я снял ее прошлым летом... Это было в июле месяце.

Байгали отвернулся и тяжело вздохнул, как непомерно уставший человек.

– Байеке, почему вы придаете столько значения этому фото? – в свою очередь выразил я удивление.

– Я знаю, это фото не ты снимал, откуда взял его? Видно, что-то скрываешь от меня, признайся, – увещевал он, глядя на меня с улыбкой в глазах.

– Нет, Байеке, не говорите так! Зачем мне обманывать вас? Я снимал его прошлым летом... Клянусь Аллахом!

Байгали с ног до головы оглядел меня, будто впервые видел.

– Ты хоть знаешь, кто эти люди? – проговорил он и, взмахнув фотографией, вернул ее мне.

– Нет, я не знаком с ними... но вечером, в сумерках я встретился с этими акакалами и беседовал с ними возле горящего костра. Это правда.

– Вот ты заладил, братишка: я да я! Ты лучше скажи, где взял это фото? Скажи, не скрывай, неужели это такая тайна? – голос Байеке в следующий миг выражал искреннюю досаду.

– Ой, коке², я же сказал, сам лично снимал вот на эту сотку! Вот на этот айфон! – воскликнул я, выживая из кармана телефон в качестве свидетеля.

¹ Ага – старший по возрасту мужчина.

² Коке – обращение к дяде.

Но как бы я ни драл горло, Байгали мне не поверил. Он протер стекла очков, вооружил ими глаза и долго всматривался в фотографию.

Я продолжал, не шевелясь, нависать над его плечом, давая понять, что буду стоять на своем.

– Вот этот человек по имени Танабай – ровесник твоего прадеда, я часто видел его в детстве. Этого человека тоже помню... Это же Торегали-аксакал! – сказал Байгали, тыча пальцем в двоих справа. – А того, что в профиль снят, пока не могу вспомнить... Внешне похож на старика Есалы, что жил у подножья гор Секер, с той стороны. Да, скорее всего, он... Он был лесником. В то время я уже повзрослел, совершеннолетним стал. Помню, в какую-то из зим он на лыжах в горах напоролся на медведя-шатуна и погиб.

– Интересно... Байеке, я на самом деле видел этих людей и знакомился с ними! Но из-за того, что спустился с гор подуставшим, мне не пришлось в голову записать их имена. Я нечаянно задремал, слушая у костра их беседу, и проснулся лишь на рассвете. Смотрю, этих людей уже нет на месте, исчезли бесследно.

Байгали как будто и не слушал мои доводы, бормотал что-то сам себе.

– Надо же, выходит, в те времена уже были цветные фотографии, а? Ах, вы, светлые души, они ведь все были уважаемые старцы прошлого, люди больших великолепных кочевий... аксакалы прогремевшей эпохи. Так ясно вышли на этом цветном снимке, прямо как живые! – закивал он, цокая языком.

– Что значит «те времена»? Эти люди умерли, что ли? – спросил я, до сих пор ничего не понимая.

– Я же тебя об этом и спрашиваю, мол, «кто снимал это фото»? А ты запутал человека, стоишь на своём, «я да я»! Лучше ты вспомни... – сказал Байгали, но теперь в его голосе зазвучала просьба. – Эти свидетели прошлого померли давным-давно, еще, когда я был юнцом. С тех пор прошло больше полувека, поди, уже кости их мхом покрылись! Понял?

Байгали глубоко вздохнул, довольный тем, что наконец-то сумел донести до меня основной смысл своих слов.

У меня язык прилип к гортани, и я дрожащей рукой потянулся к фотографии. И что мне надо вспомнить? Я еще не выжил из ума, могу заверить, что прошлым летом сделал этот снимок на свой мобильный телефон. Нет тут никакого обмана, совершенная правда! Всё помню, все мои действия до мелочей, точно это было не далее как вчера.

В ту поездку, обходя горы и скалы, леса и рощи, я наснимал много видов природы. Вернувшись в город, распечатал лучшие снимки, а заодно и это фото. Они и были наклеены в фотоальбоме, в котором копался Байеке.

Что же получается? В голове не укладывается это странное происшествие, прямо мистика какая-то!

Если говорить начистоту, то я и сам чувствовал, что та загадочная встреча в Кёркарагае с таинственным исчезновением незнакомцев – непостижимое для человеческого ума явление, долгое время мысли о нем одолевали меня. Наконец, решив не морочить себе голову, я попытался начисто забыть тот случай, оставив все свои размышления о нем. Беседа с Байеке подняла всё со дна памяти, возродила то событие, отряхнув от пыли забвения, и словно подтвердила обоснованность моих сомнений.

* * *

Это был прошлый год, да, прошлое лето. Знойное время июля – шильде, когда от жары вскипают мозги. Скучая и томясь по Алтаю, мы приехали из Астаны всласть побродить по горам по долам, и нынче вышли наконец на берег озера Каумыш, что раскинулось на могучей груди Шабанбая. Рядом были главный директор Катон-Карагайского национального парка Ерен Жумагулов; писатель-переводчик Ерлан Сатыбалдиев, сверстник из Алматы, руководитель издательства «Мектеп»; старший товарищ Кайырды Назырбаев, директор издательства «Аударма» в Астане, писатель-журналист; да еще два егеря из Национального парка. Итого нас шесть человек, перевалив через хребты и перевалы, ввечеру добрались до побережья озера. Первым делом, давая лошадям остыть, мы привязали их на зеленой лужайке и разбили несколько палаток на ровном открытом месте.

Между тем егери привезли с другого берега озера ярочку, выкупив ее у пастуха, живущего на равнинном пастбище Далынтай. Испросив благословения у самого уважаемого гостя среди нас – Ерлана, они быстренько закололи ярку, освежевали и ловко разделали ее. В центре нашего маленького лагеря был выкопан земляной очаг и установлен казан. Грудинку поджарили, а для шашлыка нутрянной жир завернули в куски печени.

Впитавший запах дыма и истекающий жиром шашлык получился настолько вкусным, что мы уплетали его, жмурясь от удовольствия. Но разве когда-нибудь бравые джигиты поедали такие деликатесы всухую?.. Под бодрящие напитки сказаны были благие пожелания хорошего отдыха на лоне природы, провозглашены пышные, витиеватые тосты.

Егери заранее учли полевые условия нашего временного мужского братства в дикой местности и подготовились наилучшим образом. Кухонная утварь вроде посуды, ножей и ложек вытаскивалась из переметных сум и заполняла собой дастархан. По их действиям было видно, как они поднаторели в готовности к жизни в диких, экстремальных условиях.

В день прибытия мы разожгли пылающий костер, посидели вокруг него, оживленно беседуя, и улеглись спать за полночь. На следующий день верхом на лошадях знакомимся с местностью, объезжали пастбища, снимали живописные виды природы в разных ракурсах. Проезжали по знакомым местам, где в пору беззаботного, радужного детства гонялись за ягнятами и пасли овец. Объездили прохладные склоны гор, взбирались на их высокие гребни, где бесшабашными юнцами охотились на зверя и птицу. Из тех далеких лет мне пришла на память каменная баба – балбал – на возвышенности Майжурек, и я потащил туда мужчин. К счастью, балбал с закрученными усами, держащий в руках посуду вроде пиалы, оказался на своем старом месте. Произведение искусства, созданное руками древнего камнереза, почти по пояс ушло в землю и скособочилось. Это каменное наследие, оставшееся от предков, повергло в волнение нашего сверстника Ерлана, он не спеша сошел с коня и тщательно вытер платочком пыль с лица балбала. Потом некоторое время молча постоял возле него, качнул головой и в глубокой задумчивости снова сел на лошадь. Нам и без слов было понятно душевное волнение нашего друга-писателя, который впервые приехал на Алтай и сделал молитвенное обращение к святыне отчизны. Вот так, любуясь свежестью и лепотой горных пастбищ, мы провели и второй день.

Каждое лето, приезжая в родные края, я сам ощущаю трепет, точно снова перелистываю книгу жизни. Этим летом произошло то же самое: я как бы заново переписывал некоторые страницы той моей книги. Славные, солнечные дни лета без мух, без дождей настраивали на радостный лад.

На третий день группа во главе с Ереном еще до рассвета оседлала коней и, двигаясь вдоль изогнутой коромысло глади озера, ушла ловить рыбу к его северному верховью. Я же, ссылаясь то на одно, то на другое, остался на нашей стоянке. За два дня верховой езды бедра мои были отбиты и саднили, и весь я был как раздавленный. Оставшись один, до самого обеда я проспал как убитый.

В обеденное время я выглянул из палатки и увидел, что Кайырды и егерь по имени Кайрат сидят за раскинутым на траве ярким дастарханом, с наслаждением потягивая чай и оживленно болтая. Перед ними лежали лепешки и конфеты, соленые огурцы, стояла банка смородинового варенья и дымилось блюдо с мясом. Изобилие дастархана казалось несколько неожиданным на привольном жайлау, но оно являло собой редкую картину, которая поднимала настроение и веселила дух. Кайрат посмотрел на меня с некоторым смущением.

– Ну, Кайреке, что ты хотел сказать?

– Да хотел узнать, не желаете ли и вы приобщиться?

Я повернулся к Кайырды. Было известно, что в связи с проблемами со здоровьем этот наш ага вот уже несколько лет не пьет спиртного. Как я и ожидал, тот сделал вид, что не расслышал предложения Кайрата. Другими словами, он попросту не выразил ему поддержки. С достоинством прихлебывая чай, писатель безучастно смотрел в сторону, словно давая знать, что не имеет никакого отношения к разговору на такую тему.

– Ну тогда подай мне сто граммов для улучшения кровообращения, этого хватит. В такую жару надо быть осторожным с напитками... Надеюсь, ты знаешь об этом? – заметил я Кайрату.

Но тот и не думал внимать моим словам:

– Нам все равно, мы в этом вопросе не обращаем внимания на жару и холод!

– проговорил он и начал подниматься с места.

– В таком случае и себе налей райской водицы! – сказал я, не желая оставаться в долгу. – Обратим в культурное мероприятие эту нашу посиделку на лоне природы!

Кайрат оказался скромным и исполнительным джигитом. Он сходил к ручью, где в воде охлаждались напитки, и вернулся, придушив в пальцах горло одной из бутылок. Разлив прозрачное зелье по двум рюмкам, одну он подал мне. Воистину, поражаешься хваткости этих ушлых джигитов: даже рюмки притащили в эту глухомань, куда едва копыто конское достает.

Кайырды допил чай, что-то пробормотал себе под нос, набожно провел по лицу ладонями и, вяло поднявшись с места, ушел восвояси. Мы с Кайратом остались за дастарханом одни и выпили еще по рюмке.

– Куда ведет нижнее ложе озера? – спросил я Кайрата после того, как мы, отведав понемногу пищи, заморили червячка.

– Насколько я знаю, нижнее течение этого ложа называется Карайрык. Эта река протекает мимо Шорнауа¹ и возле аула Шынгыстай впадает в Бухтарму. Население Шорнауа называет ее река Шу.

Кайрат повернулся всем телом и показал рукой на большую теснину:

¹ Шорнауа – название Черновоя на казахский лад.

– Головная часть вон той виднеющейся широкой балки вроде открытая, но ее нижняя сторона переходит в узкое ущелье. Там нет дороги, плотные россыпи камней, лошади не могут пройти. Мы слышали, что только бесстрашные кержацкие рыбаки ходят туда пешком. Да и то, один старик как-то сломал там ногу на камнях и целых два дня, приволокивая ее, шел, пока не добрался до пастуха Мусаипа в Далантае. Только это и спасло его. Поэтому и рыбаки нечасто ходят в те места, считая их неблагоприятными. Говорят, там камни громадные, много поворотов, но и омутов вдоль берега предостаточно. Рыба там вроде крупная. Как пройдешь эти россыпи, внизу есть небольшой, но густой лес, называется Кёркарагай. Наши казахи ту местность издревле считали медвежьей обителью...

«Омутов вдоль берега предостаточно». Это искушающе-соблазнительное сообщение привело меня в крайнее возбуждение и словно ввергло в горячку.

– Пойду-ка я разомнусь, прогуляюсь вдоль берега! – обронил я Кайрату, беря в руки удочку и цепляя на плечо рыбацкую торбу. – Далеко не уйду, буду поблизости.

Кайрат сказал, проявляя сочувствие: «Сейчас полдень, клева нет, пустые хлопоты».

– Ну сколько я могу валяться и тухнуть в палатке, пойду хоть пройдусь, взбодрюсь немного!

Кайрат знал, что говорит, день был знойным, стояло палящее, обжигающее пекло.

В этой горной местности, находящейся на приличной высоте над уровнем моря, солнечные лучи были такими нещадными, что от них могли вспыхнуть волосы, и такими пронизывающими, что пересыхало в горле.

Жидкие облака, похожие больше на козий пух, чем на расчесанную по краям вату, непрерывно и беспорядочно плыли во небо. Но они не могли быть укрытием, от них не падало никакой тени. В окрестностях озера стояла тягостная тишина, ни малейшего дуновения, способного качнуть перья пырея. В такой зной неясно, куда деваются даже назойливые мухи, всё вокруг во власти оглушительной тишины. Только монотонный стрекот кузнечиков оживлял округу, словно напоминая о существовании жизни в этом безмолвном краю.

Сколько я ни пытался удить рыбу, кружа вдоль озера, клева не было. Я поменял наживку: обычную черную муху заменил на крупную, зеленую, похожую на слепня. Вскоре попробовал удить на извивающегося дождевого червя, затем наживил стрекочущего кузнечика, – все мои старания были напрасны, рыба не клевала. То ли всё рыбе племя испугалось меня, то ли оно, прячась от жары, опустилось на самую глубину, – неизвестно. Делать нечего, пришлось оставить озеро. Однако я еще не терял надежды на улов и пошел вдоль истока реки вниз по склону. Из озера вытекал шумный поток с пенистыми гребнями, обе стороны его представляли собой открытые горные возвышенности, а русло было гладким и ровным. Строптивая река неслась по теснине, извиваясь серебряной лентой, и где-то там, внизу, растворялась в мерцающем голубом мареве.

Я обернулся на чей-то громкий зов, это оказался Кайырды. Похоже, он собирал щавель с кислицей, пробираясь в густой сочной траве. Он громко говорил, показывая мне на что-то. Я не смог услышать его, но понял, что товарищ зовет полакомиться щавелем и земляникой. Я потряс скрещенными руками, давая понять, что занят и мне ничего не нужно.

Мои надежды опять не оправдались, в нижнем течении реки рыба тоже не кле-вала, всё будто замерло. Или мне не доставало рыбачьего опыта? Одним словом, было такое ощущение, будто вся рыба покинула эту реку и ушла в другие места.

* * *

Обходя водовороты, я так увлекся, что отошел далеко вниз от нашего лагеря. В какой-то момент я поднял голову и посмотрел перед собой, оказалось, что уже рукой подать до глухого тупика широкой лощины. Повсюду рос редкий кустар-ник, жидкий тальник, в стороне холмистого хребта торчали пучки бурой таволги. Высокая зеленая трава, плотно покрывающая возвышенности по обеим сторонам долины, волновалась, как необъятное море. Это и был тот самый плодородный пояс в низовьях гор, величаво именуемый на языке науки «альпийскими лугами». Что там говорить, невозможно насладиться великолепием земли, когда увлеченно и пытливо оглядываешь ее волнистое, развеваемое ветерком одеяние. Воистину это самая лучшая трава для сенокоса! Нежная и сочная бархатистая поросль, достигающая конского крупа, – как же ею не восхищаться? К сожалению, в на-стоящее время в этих местах никто не косит траву на сено, не пасет скот, да и в силу отдаленности от аулов не использует луга для зимних пастбищ. Уже много лет, как скот не поднимался на эти жайлау. Благополучно достигнув независи-мости, которой жаждали наши предки, подняв ввысь развевающееся голубое знамя, мы несколько возгордились этим и потеряли осязаемую часть нажитого ранее. В суеде громогласных воззваний мы рассыпали много добра. Народное богатство было растранижено и разошлось по рукам ловкачей и пройдох. Нам ничего не остается, как признать, что последние тридцать лет мы расплачиваемся за это.

За несколько месяцев были распущены колхозы и совхозы, крепко державшие в руках свои хозяйства. Скотина поделена и роздана в частное владение. Вместе с теми хозяйствами аульные МТС, всевозможная сельскохозяйственная техника, – всё-всё было разграблено и пропало. Землю тоже поделили, разрезав ее на полосы и обозначив их колышками. Даже великолепные дома культуры были распроданы по дешевке, а многочисленные кружки в них, прививавшие детям любовь к ис-кусству и знаниям, были закрыты вкупе с библиотеками. Собственники же вос-приняли полученную скотину как упавший с неба трофей. Они резали и поедали животных каждый день, точно это была отбитая у врага добыча, дальше пошли пиршества и оргии, а оставшийся скот ушел по бартеру на водку.

Были и такие, кто, в силу множества причин, не сумели распорядиться полу-ченным скотом. Тут и суровая алтайская зима длиною почти в полгода, необхо-димость запастись сено и корма, отремонтировать скотные дворы. Для всего этого нужна была сельскохозяйственная техника, которая в одночасье разошлась по подворьям, собственники же ее растерялись, не зная, как объединить силы и сплотиться, как продолжать работу. Так несметные общественные стада и табуны в какие-то два года растворились, вся имевшаяся техника в отсутствие запчастей покрылась ржавчиной, обветшала, разрушилась и в течение нескольких лет была уничтожена.

Аким вот этого самого Катон-Карагая Жанимхан Кундызбаев, по наитию догадавшийся, что это варварское решение в конце концов приведет казахские аулы к пропасти, не стал распылять хозяйства, а сумел сохранить их. Он из-менил названия совхозов, создал коллективные товарищества, и какое-то время

они просуществовали в таком виде. Однако эта его хитрость была изобличена некоторыми районными приспешниками, и Жанимхан был скинут с места областными самодурами, не сумевшими избавиться от волонтаристского сознания. Мы хорошо помним это событие. Вследствие несоразмерной политики тех лет социально-бытовое положение края начало стремительно ухудшаться. И более-менее сносное существование народа, жившего обобществленно, в мире и согласии, затрещало по швам.

В аулах усилилась поголовная безработица. Чтобы как-то выжить, скитавшийся без работы народ ринулся в город. В аулах с поредевшим населением начали закрываться школы. Люди смотрели на доблестных мужей, те опустили головы, земля осталась без народа, народ остался без земли. Громадные богатства вроде этих бесхозных сенокосных угодий с их красотами остались без всякой пользы под плотными снегами, предаваясь тлену...

Мы тоже были свидетелями трудностей и невзгод тех лет, подобно свирепому джугу охвативших все общество, поэтому многие из тех перемен и ныне перед нашими глазами, всё в нашей памяти. Эти воспоминания нахлынули при виде цветущих, подобных бархатному ковру пастбищ без пасущегося скота, сиротливо лежащих без применения, вызывая искреннюю досаду и жалость. В общем-то, всё уже в прошлом, и эти луга остались лишь как милостыня былого. Но всё же иногда думаешь, с кого спрашивать за грубые оплошности, допущенные на заре Независимости, на кого их повесить? Бремя тех неоправданно ошибочных действий по сей день гнетет, как хроническая болезнь, но мои кроткие казахи умеют терпеть. Надеясь на лучшее будущее, теперь они живут молитвами Всевышнему, чтобы не лишал их того малого, что имеют!

Нижняя часть колышущегося разнотравья утопала в цветах купальницы. Насыщенно-желтые цветы росли так густо, что создавали впечатление охватившего склон пожара и приковывали к себе глаза. Окрестности караганника вдоль реки были покрыты малиново-красными цветами марьиного корня... Прекрасное, волнующее зрелище! Невольно подумаешь: не в этом ли жайлау воплотилось наивысшее проявление всей красоты мира? Что там говорить, облик июльского пастбища, именно сейчас пребывавшего в ликующем убранстве, был сродни нарядному приданому выдаваемой замуж девушки.

Я обернулся и посмотрел назад, оказалось, что едва видные глазу наши палатки на берегу озера остались на расстоянии дневного пути. Оттуда косо тянулся жидкий дымок, вероятно, это Кайрат хлопотал об обеде вокруг земляного очага... Узкое ущелье, снискавшее в народе славу страшилища, оказалось гораздо ближе палаток, и зияло передо мной во всей своей мрачной красе. В азартной погоне за рыбой, оказывается, я добрался и до этого далекого каньона! С лысой горы, что возвышалась в северной стороне, раздался резкий крик сурка. С холмов в отдалении, подернутых голубым маревом, послышалась некая мелодия. Интересно, что же это за мелодия, такая приятная слуху и сердцу? Не получил ли я солнечный удар, и мне всё это мерещится?

За теми смутными очертаниями лесистых гор – земля Ойман, там находятся пастбища алтайцев, тюркоязычных братьев. Насколько я знаю, алтайский народ на ступень ближе к природе, чем казахи, их поведение, действия и повадки издревле были в тесной связи с природой и созвучны ей. Для них одно из имен Алтая – Всевышний Господь, они постоянно молятся ему, прикладывая руки к груди, про-

износят благословения и совершают богослужения, обращаясь к горам и скалам. С Алтаем, которому они поклоняются, у них одни мечты и чаяния, одни тайны, одни думы. Я провел немало времени, исследуя страницы книг об их обычаях и предрассудках, беседовал с интеллигентными, знающими людьми Алтая. Они воспринимают окружающую среду как одушевленный мир, поклоняются горам, как духам предков, истово веруют в духов гор. Верят, что существует владыка воды, покровитель земли. Всех зверей и птиц алтайского края считают святыми. Они умеют беседовать с Алтаем и делиться с ним радостью и горем. Алтайцы называют Музтау «Уч Сумер», «Меру»¹.

Как самому Тенгри они поклоняются трем ледяным пикам его, круглый год сверкающим в лучах солнца. На сучьях священных деревьев у подножия горы развеваются разноцветные обрядовые ленточки. Глядя на гору, они разбрызгивают кумыс белой кобылы, возжигая можжевельник, окуривают его ароматным дымом гору, изгоняя джиннов и бесов. Эти созвучные с природой обычаи и обряды наших братьев, особенно поверья, связанные с их батюшкой-Алтаем, вызывают интерес и... зависть. В любом случае, мы должны относиться с уважением ко всем поверьям и обычаям этих горцев.

Что удивительно, оказывается, многие молитвы, с которыми алтайский народ, воздев руки, обращается к Тенгри, находят отклик у Господа, и желания исполняются. Когда подумаешь о том, что священные ритуалы этой традиции, золотой нитью тянущейся из глубины веков, никоим образом не доходят до наших казахов, невольно загрустишь, опечалишься...

Утроба тесной лощины внизу зияла, как дом после нападения грабителей. Наружный облик ее был пугающе тёмн и омерзительно мрачен. Как бы там ни было, я понял, что защита от бьющих прямо в темя нещадных лучей солнца только внутри этого каньона. Пока я шел вдоль озера, лицо мое обгорело и распухло, я чувствовал, что кончик носа покраснел как помидор. Провел рукой, и с носа отшелушился слой кожи. Губы тоже разошлись и потрескались. Немедленным укрытием от невыносимого зноя могла мне послужить лишь плотная тень этой темной теснины.

Впереди показался заливной луг. Лугом тем оказался густо растущий дикий лук – сарымсак². В наших краях это растение называют «болотный лук». Обычно болотный лук растёт на глинистой почве, которая никогда не просыхает от воды, с наступлением августа у него образуются луковицы, и он твердеет. Отвердевший сарымсак подвержен засилью червей и начинает желтеть. У пожелтевшего лука стебли становятся несъедобными, годны в пищу лишь луковицы. Но сейчас его стебли были еще молодыми, сочными и мягкими. После утренней трапезы прошло порядочное время, и теперь голод терзал мой желудок. Я сорвал несколько стеблей сарымсака, сложил вдвое и принялся жевать. Его кисловатый вкус только еще больше возбуждал аппетит. У подножия ближнего холма я собирал щавель. На склоне рос и бек³, его я тоже пустил в пищу. Откопав корешки и очистив их от земли, с хрустом поел за милую душу. Это же были плоды растения, которые мы много раз ели в детстве, но оказалось, что вкус бека я начал забывать. Клубеньки

¹ Сумеру, Меру – это названия священной горы в Индии, которая считается центром всей Вселенной (прим. пер.).

² Сарымсак – во многих регионах русское название его черемша.

³ Бек – кандык сибирский.

этих корешков, поедаемые сырыми, напоминают обыкновенную картошку. Затем я пособирал с куста барбарис.

Почувствовав жажду, напился ключевой воды из родника. Съеденная мной растительная пища оказала мне большую услугу, напитав начавший урчать от голода желудок.

Как бы ни было прекрасно лето славного Алтая, увы, оно короткое, как девичья жизнь в отчем доме. Не успеешь насладиться его прелестями, как, завывая ветрами и заливая дождями, нагрянет нежданно осень. Да, на самом деле так, друзья... Что ж, я ведь недаром забрел к черту на кулички, чтобы полюбоваться красотами этих шелковистых пастбищ, да и не каждый день бываю здесь. Будь что будет, спущусь в этот угрюмый неприветливый каньон, осмотрю его изнутри, решил я. С этими мыслями, волоча удочку, с мешком на плече я начал спускаться в каменистую теснину.

* * *

Солнечные лучи остались где-то в вышине, внутри ущелья царила полутьма. Вдоль лощины струился прохладный ветерок, казалось, именно здесь можно найти уладу для души. Ощущалось сырое дыхание буйной реки, которая, брызгая пеной, падала с горы. Вход в ущелье был тесным, скалы вокруг устрашающе щерились, как кабаньи клыки. Создавалось ощущение, что это начало какого-то неизведанного колдовского мира. По обе стороны высились гладкие утесы и упирающиеся в небо пики, поднимаешь голову, – шапка слетит с головы. Не было протоптанной дороги, ведущей дальше, иногда просматривалась едва заметная глазу узенькая тропинка, оставшаяся от копытных животных. Но такие тропочки не тянулись вдоль воды, а уходили извилисто вглубь по горной лощине. Побережье реки было в каменных осыпях, образовавших многочисленные крутые зигзаги. Мне пришлось помучиться, проходя по этим осыпям, корячась и перепрыгивая с камня на камень. К тому же в узкой теснине, зажатой со всех сторон скалами, грохот горной реки вторгался в слух грубо и оглушительно.

Как я и предполагал, в тенистом месте, куда не попадали солнечные лучи, рыба начала клевать. К тому же солнце клонилось к закату, и наступало время клева. Я только успевал класть крупную рыбу в торбу, а мелкую – выбрасывать обратно в реку. Пусть еще подрастет, умножится, не мне, так другим рыболовам достанется... Кстати, что касается добрых побуждений, то каждый раз, приезжая в родные края, я замечал, что местные казахи как будто еще не признали достоинства рыбы. Они не сортируют попавшуюся на крючок рыбу на крупную и мелкую, беспечно кидают всю подряд в мешок. Им и в голову не приходит отпустить снова в воду рыбную мелочь, мол «мала еще, пусть подрастет». В этом смысле охотничий азарт моих земляков не знает границ. Строптивная река, бушевавшая как февральский буре¹ и неистово бившаяся о скалы, имела множество водоворотов. Обычно на глубине таких головокружительных водоворотов водился не только хариус, но попадался и таймень. Однако такой зубастый хищник, как таймень, не клюет на мух и мормышку, да и дождевыми червями и кузнечиками не довольствуется. Опытные рыбаки ловят его на мышей или чебачков.

Через некоторое время моя заплечная торба наполовину наполнилась рыбой. И на том спасибо, во всём следует соблюдать меру, да и носить торбу с грузом – дело

¹ Буре – верблюдо-производитель.

нелегкое, на сегодня хватит и такого улова! Оказывается, я совсем обессилел и утомился, во власти азарта переходя по густым зарослям дягиля и борщевика от водоворота к омуту. Колени мои дрожали. Я даже не заметил, как наступил вечер!

Обычно в таких сумеречных лощинах рассветает поздно, вечереет рано, а ночь тянется долго. Я понял, что, если задержусь еще дольше, то опустится тьма, и мне придется неприкаянно блуждать в потемках этого угрюмого места. В темноте и к рыбе, и ко всему прочему интерес теряется. Рыба ведь тоже живая тварь, во тьме она не увидит ни червя на крючке, ни мухи, разве что учует.

С этими мыслями я охладил свой неуёмный пыл и усмирил рыбачий порыв. Немного передохнув, окинул взором округу. На противоположном берегу реки с осыпи скатился камень. Как знать, возможно, на вершине осыпей ходят копытные животные вроде горного козла и оленя? Или это сама «косолапая матушка»? У подножия расстилась огромная полоса густого леса. Может быть, это тот самый Кёркарагай, о котором утром говорил Кайрат? Надо же, выходит, в возбужденной погоне за рыбой я добрался и до этого популярного места? Позади Кёркарагая в белесом мареве виднелись пестрые, по тигриному полосатые плоскогорья, суровые громады гор, белоголовые вершины... И вправду, народ знает, что говорит. При взгляде сверху эти благодатные леса Кёркарагая были подобны бездонному, пленяющему взор, необъятному морю. Даже издали заметно, что это – приглашающий к думам безбрежный, богатый край, покрытый горными впадинами и лужайками. И – непроходимая тайга. Тайга – это вам не равнинная роща, а пронзающие небесную высь сосны и пихты, сумрачный лес, под пологом которого видятся пугающие призраки. Здешние казахи называют тайгу «теріс»¹. В тайге полно зверья и птицы, она богата кедровыми орешками, барбарисом, грибами, смородиной, голубикой и прочей ягодой.

В недрах тайги можно встретить валежник из искривь и вкось лежащих тысячелетних деревьев с голыми сучьями, покрытые мхом шершавые камни, дерн с зарослями борщевика. Кажется, этот Кёркарагай похож на самую заматерелую тайгу, которая отобьет всякую охоту туда соваться. Хмурый лес, чернеющий, как могила, внушительный и отчужденный, словно прятал в себе некую тайну и вполне соответствовал своему жуткому названию², которое заставит любого встрепенуться, разбудит дремлющего, нагонит страху. Вот такие они, казахи, нет им равных, когда дело касается раздачи имен и ярлыков!

Обратная сторона коварной красоты, раскинувшейся внизу, являла собой ужащающе холодную картину. Она как будто призывала созерцающего ее к смирению и покаянию. Грозная стихия словно намекала человеку, что он уязвимей мотылька, слабее мухи в этом царстве. Она заставляла его признать, что Природа – это полный тайн необыкновенный чертог, бескрайний мир со множеством загадок.

Несмотря на алые сполохи вечерней зари, заигравшей на бархатистых возвышенностях, окружавших густой сосновый бор, широкую равнину внизу начала окутывать ночная мгла.

До моего сознания только теперь дошло, что, взбудораженный рыбачьей страстью, я и впрямь слишком отдалился от побережья озера и обнаружил себя уже у выхода из ущелья. Вот ужас, что же мне теперь делать? Я повел глазами в сторону, прямо рядом со мной раскачивалась целая плантация золотого корня.

¹ Теріс – неправильный, неприятный, отрицательный.

² Кёркарагай: көр – могила, қарағай – сосна, то есть «Темный, как могила, сосновый бор».

Стоял июль, поэтому корень еще не созрел, только-только распустились светлыми цветами головки. В небесной выси показалась парящая пустельга. На некоторое время она, подрагивая, замерла на месте и в следующий момент упала камнем вниз, видимо, заметила суслика или какую-то другую живность.

Итак, что же мне делать, на самом деле? Куда идти, где найти приют? Передо мной – дремучий хвойный бор, раскинувшийся во всю ширь долины. Позади меня – каменные осыпи, где сам черт ногу сломит, глубокие рытвины, пройденный мной самым тяжелый путь. Я выбился из сил и едва держался на ногах, всем существом своим чувствуя, что не смогу вернуться, снова прокладывая путь по теснине. На все мои попытки созвониться с друзьями телефон настойчиво твердил, что на данный момент связь в этом направлении невозможна... Может быть, спуститься в темный лес и переночевать там под кроной какой-нибудь плодоносной пихты? Но там ведь полно ревущих медведей, и как бы не оказаться кормом для охотящихся рысей и волков... Нельзя пренебрегать возможностью такой опасности! Ну и какую сторону мне выбрать?

Окончательно ослабев, я опустил на серый камень подле себя.

Вдруг по спине моей побежал холодок, и, повинувшись какому-то инстинктивному чувству, я повернулся направо... Сначала мне бросился в глаза звеневший, как серебряные монеты, ручей. Оба берега ручья поросли островками тальника и кустарника, выше них виднелся вытянутый овраг с пологими склонами. В начале оврага я заметил некую неуклюжую тварь, которая то показывалась из кустов, то исчезала. Протерев глаза, снова взгляделся... О господи, да это же медведь!

По-бычьи неповоротливый рыжий медведь торопливо спускался вниз, ведя за собой двух медвежат.

Сердце мое прыгнуло в самую макушку головы. Волосы встали дыбом, показалось даже, что приподняли бейсболку. Меня бросало то в жар, то в холод. Я понял, что медведица пока не учуяла меня, поскольку легкий ветерок дул не вверху, а, пробежав по оврагу, устремлялся в мою сторону. Может быть, мне броситься без оглядки куда глаза глядят или же упасть навзничь, притворившись мертвым? Что вернее?

Алтайский рыжий медведь, по сравнению с бурым, бывает заносчивым и придирчивым. К тому же медведицы с медвежатами обычно очень свирепые и ревнивые, не пощадят встреченного человека, разорвут в клочья. Говорят, защищая детенышей, они даже медведю-самцу могут нанести глубокие кровавые раны. Вряд ли такого кровожадного хищника можно обмануть, притворившись мертвым!

Недаром говорится, лучше заблудиться с толпой, чем в одиночку найти дорогу. Вот это и есть, наверное, то место, где я нечаянно угодил в капкан! Не понимая, откуда пришел и где стою, я не на шутку растерялся. Но времени для раздумий не было, и, отшвырнув удочку, я без оглядки бросился вниз. Ноги сами несли меня, от моей недавней усталости не осталось и следа. Перепрыгивая с камня на камень, не оглядываясь по сторонам, я бежал напролом через кустарник. Кизильник и калина царапали мне лицо, я мчался, спотыкаясь и падая, приминая собой спутанную, как овечья шерсть, луговую траву. Как бы там ни было, я сохранил болтавшуюся на плече торбу, и в результате этого марафона мне удалось отдалиться от опасного места на приличное расстояние. Остановившись, я выровнял дыхание и осторожно посмотрел вверх. Растущие вплотную друг к другу кусты не давали возможности что-либо разглядеть, но погони вроде не было. Если б зверь,

преследуя меня, пошел по склону в долину, он не дал бы мне и шага ступить. Скорее всего, косолапый, занятый своими медвежьими делами, остался вдалеке. Никаких звуков, кроме непрерывного рева реки, не слышалось.

Я отдышался, едва веря в силу своих «крыльев», разбудивших спящие ресурсы тела. Набрав в легкие воздуха, я опять рысцой ринулся вниз. Моему бегу сильно препятствовала висевшая на плече торба, но мне было жалко бросать ее. Как же я могу выбросить трофей, с таким трудом добытый в течение долгого дня?

Когда почувствовал, что действительно удалился в безопасное место, я снова остановился, чтоб отдышаться. Осторожно огляделся по сторонам, прикидывая, где нахожусь, и начал обдумывать следующие действия. О том, чтобы повернуть назад и возвратиться на нашу стоянку, нечего было и думать. Это всё равно, что я сам, собственноручно отдаю себя в лапы рыжего медведя.

Когда я стоял так, раздираемый мыслями, какая-то птица с шумом выпорхнула из-под моих ног. Сердце мое ушло в пятки. Испуг едва не опрокинул меня на спину, я с размаху шлепнулся наземь. Это была горная индейка, будь она неладна! Пролетев над рекой, птица скрылась в густых зарослях травы на том берегу.

Надо же, так испугаться птицы... Видимо, мое положение совсем худо! Вы только посмотрите, остался я в диком лесу один на один! Разве может Кёркарагай, кишащий хищниками, стать мне укрытием? А что, если завтра толпа моих друзей и родичей, бросившаяся на поиски, не сможет найти даже моего бездыханного тела? Как бы мне не остаться не преданным могиле у черта на рогах!

Когда я стоял в печальных думах, не зная, как выбраться из этого тупика, вдалеке, на полянке чернеющего леса глаза мои зацепили пламя костра... О Создатель, верить мне тому, что вижу, или не верить? Там, где есть огонь, есть человек, есть жизнь, есть рука, протянутая для помощи!

Что тут скажешь, язычок пламени в густой чаще девственного ночного леса заронил искорку надежды в мою смятенную душу. Я несказанно обрадовался, поняв, что есть еще в этом мире недопитая мною вода, недоеденные мною хлеб-соль. Расчувствовавшись, я даже обронил несколько слезинок. На радостях вмиг было забыто бегство от медведя, утомление и слабость всего тела. Мотая торбу с рыбой из стороны в сторону и держась ярко горящего огня, я бодрым шагом направился к подножию.

Вы только взгляните на своенравную судьбу, ведущую меня искать защиты под сенью Кёркарагая, одно название которого приводит человека в трепет. Выходит, если тебе суждено что-то пережить, то никуда не денешься!

Где шагом, а где пробежками, достиг я таки поляны, поросшей сочной луговой травой!

Слава Богу, оправдалась моя стенающая неукротимая надежда! Возле ярко горящего костра на поляне копошились какие-то люди. Двое из них удобно расположились, подогнув под себя ноги, третий был занят подкладыванием дров в огонь. С приближением к ним голоса их стали слышны явственней, а косо ползущий дым костра начал щекотать ноздри. Мне тоже не первый день знакомы законы дикого леса – чтобы не пугать сидящих у огня людей неожиданным появлением, я издали начал чихать и издавать разные звуки.

Все трое вокруг ночного костра оказались людьми пожилыми, они были спокойны, точно ждали моего появления. Я не заметил их удивления нежданному гостю, свалившемуся на них в этот неурочный час. Мне показалось, что

одеты они просто и бедно, да и головные уборы на них были старого образца. Едва приблизившись, я отложил в сторону торбу и громко поздоровался. Потом поочередно приветствовал каждого, почтительно протягивая обе руки. Они зашевелились, уступая мне место. Я не стал ломаться и, подогнув под себя ноги, устало опустил на предложенный пятачок.

На ярко пылающем огне костра между тем не было ни треноги с котелком, ни казана. Не было также ни горячего чая, ни накрытого дастархана. Интересно что это за посиделки, удивленно подумал я.

– Ну, дорогой, кто ты будешь, расскажи о себе, – обратился ко мне сидящий в центре мужчина крепкого сложения, похожий на потомка батыров.

Я рассказал, что приехал из города посетить родные места, прогуливаясь вдоль реки, отдалился от стоянки, и, увидев огонь, завернул на него.

– Писатель я, – добавил, представившись.

Эти дяди как будто ничего не знали обо мне... Я предполагал, что все здесь от мала до велика осведомлены о моих писательских и художественных деяниях. Видимо, напрасно я так думал, ибо ни один из сидящих не шелохнулся, услышав мое имя.

– Я тут немного рыбы наловил, – сказал я, высыпая на траву свой улов.

Все дружно посмотрели на рыбу.

– Если голоден, можешь пару рыб поджарить на огне, мы сыты, – произнес усатый мужчина, занятый поддерживанием огня.

– Перекуси своей рыбой, свет мой, не обращай на нас внимания, хорошо? – поддержал его другой ага, поворачиваясь ко мне и кивком головы выражая одобрение.

Я выбрал крупную рыбу среди лежащих на траве, отнес ее к протекавшему неподалеку ручью, выпотрошил и хорошенько посолил. Затем завернул рыбу в кусок плотной бумаги, которую всегда носил в торбе, обильно сбрызнул водой и вернулся к костру. Вытянув угли вертелом, я засунул обернутую влажным картоном рыбу в бледно-серое чрево костра. Остальных рыб собрал и, чтобы не пропали, опустил в стоячую прохладную воду ручья у берега. Время, пока рыба будет запекаться, можно было использовать для более близкого знакомства с моими благодетелями.

Я обратил внимание, что на этих людях были ветхие одежды старых времен. Мой сосед, крепкий полнолицый старик с пестрой, как перепелиное крыло, бородой, в накинута на плечи домотканом шерстяном чекмене, оказался Танабаем. На голове его был башлык, защищаясь от комаров, он низко надвинул его на лоб. Справа от Танабая сидел могучий сутулый человек со смуглым лицом по имени Торегали, на плечах его лежала легкая шуба тайжака¹. Эти двое, кажется, были близки по возрасту, возможно, даже ровесники. А третий ага, Есалы, с тонкими усиками, в накинута на плечи бешмете из жаргака², выглядел на мушель³ моложе своих товарищей. Этот узколиций стройный агай с выступающим, как у чайника, носом, сидел на коленях. Он то и дело вскакивал с места, чтобы подложить дров в костер. Лишь на ногах Торегали была обувь, похожая на ичиги⁴, остальные двое были обуты в простые кирзовые сапоги.

¹ Тайжака – шуба из шкуры стригунка.

² Жаргак – одежда из шкуры недельного жеребенка, сшитая мехом наружу.

³ Мушель – 12-летний календарь животных по казахскому летоисчислению.

⁴ Ичиги – высокие сапоги без каблуков из мягкой кожи.

Через некоторое время все трое, увлеченные разговором, почти забыли о моем существовании. Разворачивая тему то в одну сторону, то в другую, они вели негромкую задушевную беседу. Само построение разговора у этих людей мне показалось необычайным: они охотно выслушивали друг друга, кивком головы выражая согласие. Если вдруг в чем-то мнения разнились, между ними возникал спор. Поймав момент, когда все трое удачно расположились вокруг ярко горящего костра, я сфотографировал их.

Глаза мои слипались, и я задремал. Проснувшись от нечаянного сна, увидел, что вся троица продолжает оживленно беседовать. Я хотел поддержать разговор, однако совершенно не понимал его сути, какой-то незнакомый мне мир, нехоженая тропа...

Допустим, я энергично бы вторгся в беседу, но что я мог сказать им? К тому же у меня, обессиленного и смертельно уставшего, не было желания беседовать с этими случайными встречными, выпытывая их тайну. Мысли мои и без того путались, слова не шли с языка, я был в полуобморочном состоянии. Помимо всего прочего, с детства я имел привычку не вмешиваться в разговор старших, не лезть со своими откровениями, а молча наблюдать за исходом дела.

Танабай-ага высыпал себе в ладонь щепотку насвая из роговой табакерки и, пустив ее по кругу, предложил своим товарищам.

Заложив насвай за губу и воодушевившись, они посидели в молчании, затем Есалы повернулся ко мне:

– Из какого ты будешь рода, свет мой?

– Я Даулет, внутри Даулета мы потомки Есбола, – отчеканил я.

Услышав о Есболе, двое повернулись и посмотрели на Танабая. Я подумал, что они не верят мне и громко добавил:

– Внутри Есбола мы приходим от Маметек-бия!

В этот момент Танабай-ага, сидевший рядом со мной, зашевелился и взглянул на меня с умилением. Он не проронил ни слова, лишь приподнялся, понюхал меня в лоб и снова опустился на место.

– А вы из каких мест будете, агалар? – спросил я, обращаясь ко всем сразу.

– Мы выходцы из Шорнауа, дорогой. Сейчас проживаем в ауле под гребнем этой горы, – ответил за всех Есалы, махнув рукой на запад.

Если эти аксакалы из Черновой с многочисленным населением, что лежит вон в той котловине, то о каком ауле на бесхозном жайлау они говорят? Я ведь тоже довольно хорошо знаю о благосостоянии обитателей этих мест, о положении земель...

«Под гребнем этой горы», говорит, о каком же ауле идет речь?

– Интересно... Разве здесь есть аул?

– Есть, свет мой, есть аул! Большой аул...

– Оказывается, я не знаю такого аула...

– Возможно, это и правильно, что пока не знаешь... Не спеши, сынок, потом представится возможность и его увидеть.

У запеченной в углях рыбы побелели глаза, и картон начал дымить, – признак того, что блюдо готово.

С аппетитом жуя и глотая рыбу, я погрузился в пучину мыслей... Мои друзья, оставшиеся на той стоянке, что на берегу озера, кинутся всем миром искать

меня. Получается, что я здорово подвел их, доставил им столько хлопот и сам оказался в неудобном положении. Они ведь не знают, в каком направлении я ушел, и в какой стороне им вершить поиски. На все мои попытки связаться с друзьями телефон настойчиво твердил, что в этом направлении связь недоступна... Кстати, Кайырды видел меня на гребне горы, когда я с удочкой шел вниз по склону. Теперь вся надежда на решительные указания этого старшего товарища. Но как бы ни чувствовал я угрызения совести и искреннее сострадание к моим друзьям, в этот ночной час у меня не было никакой возможности оказать им какую-либо помощь. Как бы я ни переживал, сегодня точно не попаду к ним, разве что полечу, привязав к рукам крылья. Беспокоясь о них, я могу сам попасть в лапы медведя. А если в крошечной тьме покалечу ногу на бездорожье, среди каменных осыпей, поранюсь, проткнув глаз в караганнике или исцарапав лицо, что делать тогда? Что ни говори, не было у меня ни сил, ни другого выхода, как ждать завтрашнего утра.

Дремучий лес давал о себе знать то дробным постукиванием дятла, то пронзительным клекотом галки. Уху моему слышались также одышливое уханье филина и отрывистый «лай» самца косули. Откуда-то издали раздавался душераздирающий вопль сыча. Помня о том, что сыч призывает несчастье, я мысленно произнес заклинание: «чтоб его плач вернулся к нему самому!». Не зря люди говорили, что этот медвежий край славится обилием зверья и птицы. Так или иначе, это была чаща сосново-пихтового бора, и в неподвижном ночном воздухе разливался аромат смолы. Непередаваемо приятный запах! Монотонный гул далекой реки как будто доказывал, что сокровенная тайна этой непроглядной ночи – за семью печатями.

Я сожалел о том, что, будучи усталым, не сумел привлечь уважаемых людей, сидящих у огня, к мало-мальски достойному разговору, поговорить с ними по душам. Если бы удалось зажечь их внимание, расшевелить так, чтобы они засыпали меня затейливыми рассказами, – это был бы чистейший родник народной сокровищницы для писателя! И богатство казахского языка, и высшее проявление художественности, – ведь всё это переполняет сердца аксакалов! Ну что ж, дай бог дожить до утра, вот тогда и разговоримся, удобно расположившись и давая волю вдохновению. Я пообещал себе бережно записать все их сказания и легенды.

Рыба, конечно, не мясо, но и ей удалось заглушить мой голод, и я разморился, сильная усталость буквально навалилась на меня. Глаза мои слипались, я то и дело впадал в дремоту. Стыдясь своего беспомощного состояния перед старшими и стараясь не показывать его, я некоторое время терпел, как мог.

– Дорогой, да ты же устал, видно. Не смотри на нас, приляг здесь и вздремни! – сказал Есалы, заметив мою борьбу со сном.

Именно этих слов я и ждал, тут же подложил под голову свой мешок и лег, свернувшись калачиком. Танабай-ага снял с плеч шерстяной чекмень и протянул мне. Я попытался отказаться, но со словами: «городские дети бывают нежными, а земля сырая, не дай бог, простудишь почки и заболеешь», – он свернул вдвое чекмень и постелил под меня.

* * *

Солнечные лучи грели мне ухо и висок, надоедливо щекотали глаза, и я пронулся. Несмотря на то, что лоб начинал постепенно накаляться, спина была ледяной, и я дрожал от холода. Только бок мой не замерз, я лежал как в теплой

постели. Ночной костер как будто совсем прогорел, на его месте не то что тлеющих угольков, потухших углей не осталось. Я был удивлен, не найдя даже следа от пылавшего ночью костра. Никаких признаков его не было видно. Вокруг меня расстилалась колыхаемая ветерком зеленая трава.

Ночью место, где сидели аксакалы, казалось утоптаным, трава примятой. Теперь следы его начисто исчезли. Я подумал было, что меня, спящего, перенесли и положили на густую траву, но мешок был рядом, и это было то самое место, где я накануне расположился на боку. Даже косточки рыбы, которую я ел, раздирая по волокнам, россыпью белели передо мной.

Однако вчерашних моих знакомых не было видно поблизости. Вероятно, я настолько устал, что спал как убитый и не заметил их ухода. Подо мной не было и шерстяного чекменя Танабая.

В поисках своих дядюшек я прошелся по поляне. Наверху виднелся сосновый сруб, сродни домикам с плоской крышей. Наверняка это лачуга, в которой в зимнее время находят приют профессиональные охотники. Больше я ничего не заметил, кругом – стоящий стеной сумрачный сосново-пихтовый бор.

Когда я стоял, совершенно сбитый с толку, сбоку послышались громкие голоса людей. Э, я так и думал, что вы где-то в этой стороне ходите!

Среди сосен мелькнули четверо всадников. Я издали узнал их, это совсем не вчерашние люди, а, скорее, группа Ерена, оставшаяся на берегу озера.

Так оно и оказалось... Это были наши мужчины, которые прошлым утром, с самого рассвета, отправились рыбачить. А ныне им пришлось в поисках своего пропавшего товарища преодолеть большое расстояние. Они громко переговаривались между собой. Закрывающие группу двое вели на поводу по лошади.

– Вот он, я же говорил!.. Разве я не говорил вам, что Алеке пошел вдоль реки вниз по склону и попал в Кёркарагай? – хрипя и задыхаясь, прокричал Ерен, появляясь из леса.

– Алеке, мы глаз не сомкнули, переживая за тебя! А ты, оказывается, жив! – с этими словами Ерлан подошел и с чувством обнял меня, словно воскресшего из мертвых.

Мягко ступая, приблизился ко мне Кайырды-агай, в словах и поступках осторожный, как сорока. Но он не стал понапрасну тратить слов, качнул головой, кашлянул и отошел восвояси.

– Это конь, на котором ездили вы, а тот, другой – гнедой Кайрата, – сказал Ерен, указывая на ведомых в поводу лошадей. – самого Кайрата мы отправили идти по вашему следу вдоль реки Карайрык. Мы опасались, что вы где-нибудь упали со скалы и покалечились либо поранили ногу и остались под открытым небом. Дали задание Кайрату, чтоб в случае таких обстоятельств нашел вас и отнес вниз, на стоянку охотников Кёркарагай. А теперь видим, что вы живы-здоровы, Алеке, слава Богу!

Но как бы джигиты ни огорчались, как бы ни выражали свои обиды, я не проронил ни слова, лишь виновато кивал головой на все их реплики. К моим душевным страданиям добавлялись еще и телесные: загоревшее на солнце лицо щипало, словно обмазанное солью. Отреагировал я только на слова Ерена о том, что Кайрат пошел по моему следу вниз по реке. «Как бы бедняга не напоролся на вчерашнюю рыжую медведицу и...» – подумал я в сильной тревоге. Но несмотря на бушующее внутри беспокойство, я ни словом не обмолвился о свирепой рыжей

медведице с медвежатами. Вряд ли дикая тварь будет стоять на месте, поди, уже ушла за противоположный хребет, подумал я, успокаивая себя.

Вскоре показался и Кайрат. Подол его рубахи развевался, пот ручьем струился по лицу. Увидев меня, он обрадовался как ребенок, растерянно закивал головой.

Я никому не стал рассказывать о неожиданной ночной встрече, неведомо откуда появившихся аксакалах. Люди мы, так сказать, просвещенные, с жизненным опытом, к тому же на ответственной должности...

Прежде всего, я сам начал сомневаться во вчерашней встрече, а была ли она? Затем я отнес ее к видению, рожденному в зыбких грезах моего сознания, расшатанного усталостью от хождения по диким теснинам и бегства в безумном страхе от медведя. Ведь если, повинувшись порыву, расскажу кому-нибудь эту историю, меня в народе могут посчитать сумасшедшим. Я испугался этого и решил никогда не вспоминать то происшествие, а лучше – вообще забыть о нем.

Приехав в Астану, я окунулся в нескончаемый поток работы, и впрямь как будто всё забылось. Но тут появился Байгали, порылся в моем альбоме и опять взбудоражил меня. Он погрузил меня в смятенное состояние, дав понять, что всё пережитое мной – не видение, возродил уже начавшие стираться в сознании картины.

Ну надо же, по словам Байгали, встреченных мной людей уже полвека нет на свете! Поэтому он и изумлялся: «кто снял это старое фото?» И опечалился, не получив от меня, бедолаги, удовлетворительного ответа на тревожащий его вопрос. Он даже огорчился, не веря мне, хотя я лез из кожи вон, свидетельствуя о произошедшем.

Спустя неделю после разговора с Байгали я в минуту досуга принялся искать ту фотографию... Моей целью было пристально взглянуть на нее через лупу, посоветоваться со специалистами, которые исследуют паранормальные явления, показать ее ученым, дабы получить объяснение с научной точки зрения. Я взял с полки альбом и принялся листать его. Все фотографии были на месте, лишь то фото исчезло бесследно. Я предположил, что Байгали забрал его с собой. Но потом сам же рассеял свои сомнения, ибо собственными глазами видел, как он захлопнул альбом и я отнес его обратно на полку. Всё верно, всё в моей памяти. Теперь пришел черед сотового телефона. Я уткнулся в него в поисках цифрового варианта фотографии. Но увы, все фото годичной давности были стерты, ведь я не сохранил их на отдельном носителе.

Эй, так куда же подевался бумажный вариант той фотографии?! Вроде и солнце, и луна на месте, а цивилизация нынче достигла небывалых научных высот, как объяснить тогда эту мистическую тайну, это колдовство? Я же сам лично был свидетелем того случая на поляне! Как тогда понять смысл такого уникального происшествия? Воистину, я не смог его постичь, это не подвластное сознанию явление.

В общем, это обстоятельство так и осталось для меня одной из неразгаданных, замысловатых загадок бытия.

Перевод Раушан Байгужаевой.

